

Михаил Дронов. Скульптуры

Михаил Владимирович Дронов — художник отточенной формы. Но он и скульптор-экспериментатор, и дух его поисков интересен. Уникален проект по созданию скульптурной картины, где он протягивает руку классике — пластический эксперимент Дронова (выполненный в тандеме с Александром Таратыновым) — скульптура *Ночной дозор*, воспроизводящая в объёме героев одноимённого полотна Рембрандта¹.

В последнее время мы становимся свидетелями того, как скульптор выходит за границы наших ожиданий. Задумать такой проект (что уже немало), да ещё смело и дерзновенно воплотить его в бронзе — явление уникальное. Будет ли подобный ход дорогой к новым поискам, получит ли дальнейшее развитие или останется для Дронова увлекательным эпизодом? Сейчас сказать трудно. Но факт — эксперимент проведён, а скульптурная группа вызвала интерес и дискуссии.

Писатель Анатолий Франс как-то тонко подметил закономерность художественного процесса: «У искусства есть два самых опасных врага: ремесленник, не озаренный талантом и талант, не владеющий ремеслом». Мысль эта не теряет своего значения, а применительно к сегодняшнему искусству звучит, пожалуй, даже актуальнее, чем сто лет назад. Творчество Михаила Дронова выявляет как раз талантливое мастера, прекрасно владеющего тяжёлым ремеслом скульптора. Дронов принадлежит к поколению молодых скульпторов, широко заявившему о себе в 1980-х годах. Молодые мастера-восьмидесятники сумели обобщить опыт традиционного реализма, минималистическую образность работ шестидесятников и зарубежные находки.

Дронов работает, не пытаясь реагировать на время, сиюминутные перипетии, практически не ориентируясь на национальные аспекты; метафоричность его работ применима к разным периодам и не ограничена

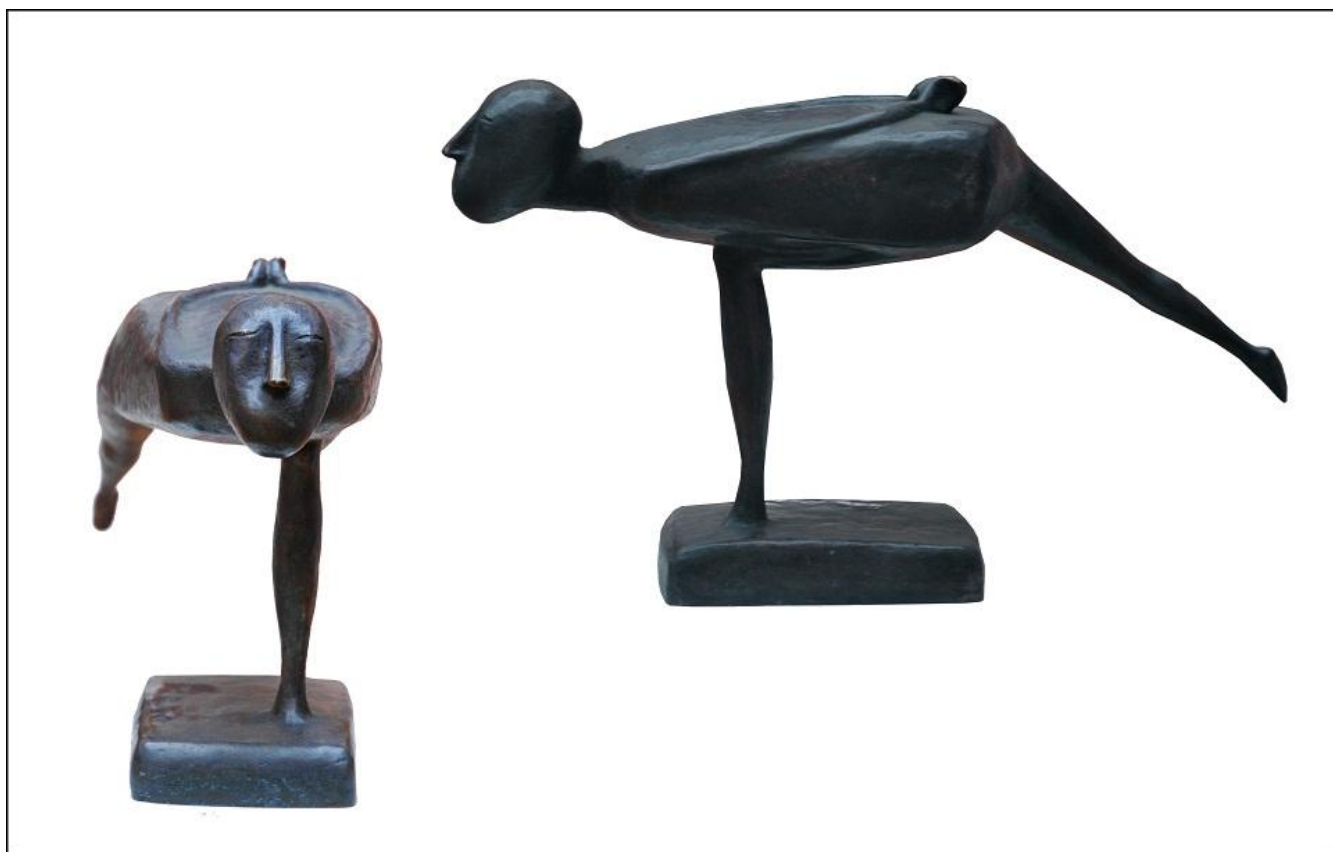
географически. Скульптор делал и делает различные пробы, в его творчестве присутствуют разные грани. Он может быть живописно-брутальным, с вызовом и дерзостью, как в случае с экспериментом *Ночного дозора*. А как скульптор-станковист он находится почти на полюсном понимании пластики, охватывая различные парадигмы скульптуры. Эта полюсность в его видении скульптуры прекрасно ощущалась в экспозиции работ Дронова, представленных на выставке в галерее «На Чистых прудах»².

Михаил Дронов. Рыбак. 1984. Бронза. 30 x 8 x 14 см. Частное собрание

Это в некоторых случаях работы, трактованные не просто реалистически, но с духом романтического символизма. Таков, например, *Рыбак* (1984, частное собрание). Тонкость, изящество и деликатность акцентов

характеризуют эту работу. Это своеобразная притча о раздумьях и движении, об одиночестве и самодостаточности, о тоске и простой, какой-то скромной радости бытия. Одинокая фигура, промокшего, погружённого в себя человека, смиренно шагающего босиком под дождём. Обращённость внутрь, в себя чувствуется нутром, усиливаемая ощущением почти физической сырости, от которой укутался в плаще, под широкополой шляпой этот человек. Это произведение очень, в котором есть и момент brutality — плавное движение и мощная кряжистость фигуры. Идёт-бредёт рыбак куда-то в своих мыслях, словно вне времени, в вечности. Скульптор не пытается понять его путь и то, сколько будет продолжаться это монотонное движение.

Михаил Дронов. Конькобежец. 1997. Бронза. 25 x 15 x 40 см. Частное собрание

Михаил Дронов. Лётчик. 1996. Бронза. 82 x 30 x 32 см

Вневременной характер скульптурных героев Дронова чувствуется и в других работах, в которых присутствует гротеск и умение обобщать. Это уже совершенно другие скульптуры, иной манеры — минималистической и

знаковой. Это уже другая сторона его творчества, тот самый противоположный полюс, на котором образы упрощаются, сильно искажаются, словно с них снимается ненужная автору шелуха. Но флёр символизма характерен и для этих работ. Только тут добавляется ещё и удивительное чувство юмора скульптора. Речь идёт о работах *Робин Гуд*, *Лебединое озеро*, *Лётчик*, *Конькобежец*. Тут уже иная ситуация: герои то самозабвенно погружены в свои занятия, как лётчик, то почти экстатически ритмически приплясывают. Дронову удаётся в данном случае знакообразование. Он создаёт вроде бы понятные, узнаваемые образы, в которых можно увидеть себя, или своих знакомых. Но эта «понятность» не просто повседневная, рутинная, это своего рода архетипические символы, в которых проступает нечто первобытное. Что-то древнее, похожее на наскальные рисунки, или, к примеру, кикладские идолы. Недаром образцы упомянутых героев Дронова так перекликаются с творениями кикладских мастеров. Эти фигурки производят неизгладимое впечатление: экстатические позы, запрокинутые головы с очень обобщённо показанными плоскими личинами, над которыми выдаются только носы. Похоже? Здесь древность как будто прорастает в современность. Но Дронов придаёт своим фигурам такой характер и облик, такую чистоту форм, что по своей эксцентрике они прекрасно отвечают запросам современного зрителя.

Надо помнить, что все эти скульптуры требуют внимательного рассматривания с разных ракурсов. И из любой точки открывается удивительный, досконально разработанный силуэт. Каждый такой «взгляд-кадр» — это готовый графический символ, который прекрасно смотрелся бы на плоскости бумаги, холста, стены. И такой ракурс далеко не один.

Несмотря на то, что автором обнаружены моменты своего рода вневременные, поданные гротескно и обобщённо, в образах чувствуется динамика и движение. Создаётся ощущение, что если отвернуться от скульптурных героев, они начнут активно жить своей жизнью: конькобежец ритмично продолжит бег; приседая и пружиня, Робин Гуд, хитро улыбаясь, попытается прицелиться нам в затылок из рогатки, а романтичный мечтатель-

лётчик продолжит, любясь, вертеть в руках свой бумажный самолётик. Или и того больше — соберутся, да и натворят вместе чего-нибудь, пошлют.

Михаил Дронов. Лебединое озеро. 1994. Бронза. 43 х 27 х 8 см.

Московский музей современного искусства

У Дронова присутствует удивительное чутьё именно «скульптурности». Вещи его очень цельны, а целое всегда отчётливо, звучно и отзывчиво. К

примеру, *Лётчик* привлекает геометрией форм: мощное определение торса на фоне тонко поданных конечностей и цельная голова, которая сама по форме уподоблена некоему летательному или космическому аппарату. Скульптор в этом отношении верен себе, не скрывает желания игры.

Михаил Дронов. Революционер (Бонч-Бруевич). 2011. Бронза. 29 x 26 x 8 см

Отход от пластики, где всё обозначено и выполнено с определённой нормативностью, обращение к опрощённой, иронично-наивной, как будто «детской» манере — это не всегда просто. «Детскость» не так-то легко имитировать, ведь надо отойти от рутины повседневности, всяческих забот, создавая свои образы. В этом отношении Дронов немножко сказочник, создающий причудливые миры; кукольник, населяющий их своими

неповторимыми героями. Чего стоит, например, недавняя работа 2011 года — занятный персонаж *Революционер*, чем-то напоминающий мультипликационного «Мистера Моркоу». Этот импозантный «агент» очень показателен, это своего рода герой, перебравшийся из мультфильма, с экрана телевизора, или со страницы детской книги в бронзовый объём. Для того чтобы творить таких персонажей, требуется большая артистическая свобода и художественное мастерство. Артистическая свобода проявляется и в свободных преувеличениях, и в игровом повторе одинаковых элементов, где главную роль начинает играть силуэт.

Михаил Дронов. Бегемот. 1999. Бронза. 15 x 32 x 17 см

Несмотря на условно-знаковый характер скульптурных образов, они очень живые и по-доброму эмоционально близкие. Чувствуется, с какой любовью и теплотой скульптор создавал своих персонажей. После «общения» с

этими героями чувствуешь себя посвежевшим и словно перерождённым, заряженным экспрессивной энергией, исходящей от них.

С гротескной интонацией подан и *Бегемот*. Он с его очаровательной грузностью и тяжеловесностью, на первый взгляд, выглядит среди остальных персонажей несколько обособленным. На вопрос, почему именно бегемот стал объектом внимания, Дронов ответил, что это «зверь хороший, толстый, скульптурный, с виду добрый». И действительно, добавить что-либо в данном случае трудно. А скульптурный зверь *Бегемот* прекрасно дополняет экспозицию, становясь своего рода её тотемом, хранителем.

Сам скульптор в пожелании к зрителям Дронов сказал: «Хотел бы, чтобы смотрели и руками не трогали». И смотреть хочется, хочется рассматривать внимательно. А, рассматривая, невозможно не наслаждаться и не задумываться о смыслах, вложенных в работы мастера.

Дронов не обращается ни к нашим дням, ни к каким-то конкретным ценностям. Его скульптуры-метафоры универсальны. Но чувствуется в них запас наблюдений и впечатлений, почерпнутых из детства, доброе ироничное отношение, богатая фантазия. Скульптор свободно чувствует себя в пространстве, его искусство характеризуется гибкостью, которая радует глаз непривычностью движений. Выдерживаемая скульптором чистая форма при всей экономии средств делает его работы акцентированными, удивляющими, в них царствует хорошая простота, радующая искренней собранной эстетикой.

Фото автора

¹ Скульптурная группа *Ночной дозор* была выполнена скульпторами в течении пяти лет (инициирован проект в 2001 году). Уникальный эксперимент даёт возможность побродить внутри картины Рембрандта. Работа (а точнее сказать работы, ведь каждая фигура представляет отдельную скульптуру) уже успела побывать в «садовой» экспозиции ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве и в настоящий момент находится в Санкт-Петербурге, в парке Русского музея.

² Выставка «Два мастера», входящая в проект «Диалоги» проходила с 15 октября по 22 ноября 2011 года в галерее «На Чистых прудах». На выставке были представлены скульптуры Михаила Дронова, живопись и графика Дмитрия Иконникова. В экспозицию Дронова вошли работы, сделанные в разное время: 20 бронзовых скульптур 1984 — 2011 годов.